

*Попов С. Л.,**доктор філологічних наук, доцент кафедри російського мови філологічного факультета
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*

О ПЕРЦЕПТИВНО-ЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ФОНЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: ГЛАСНЫЕ

Аннотация. В статье представляется когнитивно-историческое исследование перцептивно-логической эволюции фонетического строя русского языка, осуществленное на примере гласных. Такой подход предполагает повышенное внимание к восприятию и логике в их эволюции.

Ключевые слова: восприятие, логика, эволюция, фонетика, гласные.

Постановка проблемы. То, что естественные языки с течением времени изменяются на всех своих ярусах, сегодня бесспорно, поскольку убедительно доказано трудами представителей сравнительно-исторического языкознания. Для большинства лингвистов языковые изменения являются абсолютным синонимом проявлений развития языка, которое, таким образом, автоматически является позитивным. Однако встречается и достаточно щепетильное различие прогрессивного и не-прогрессивного языкового развития. Как следствие такого различия по-разному трактуется и понятие языковой эволюции. Так, Б.А. Серебrenников отождествляет эволюцию с прогрессом и различает относительный и абсолютный языковые прогрессы [1], а Н.В. Юдина различает в языке «просто изменения», которые и называет эволюцией, и «изменения прогрессивные» [2, с. 264–265].

Когнитивно-эволюционный подход, предложенный эволюционной эпистемологией к изучению механизма познания различных явлений действительности и примененный нами к изучению механизма дифференциации русских грамматических вариантов, позволил осознать правоту Б.А. Серебrenникова и многих других лингвистов, склонных видеть в языковых изменениях языковой прогресс, и признать эволюцию языка потенциально позитивной, характеризующейся высокой степенью позитивной реализации. Основой для такого признания стала фиксация когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики». Восприятие может быть следующим: 1) синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, следовательно, категоризировать познаваемое; 2) поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым и происходит категоризация, часто ошибочная; 3) альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся признаки, благодаря чему может быть выбран признак, категоризация по которому корректна. Каждая из данных степеней восприятия обеспечивает соответствующее качество логичности мышления и, как следствие, логичности тесно связанного с мышлением грамматического строя языка (подробнее об этом – см. [3, с. 64–142]). Однако очевидно, что перцептивно обусловленное качество логичности мышления влияет не только на грамматический строй, в той или иной степени оно влияет на язык в целом, то есть на все его уровни, обуславливая соответствующее качество их логичности.

Цель статьи – рассмотреть проявления влияния перцептивно-логической зависимости на вокальный аспект фонетического строя русского языка.

Изложение основного материала исследования. На первый (как это часто случается, поверхностный) взгляд поиск логики в звуковом строе языка вообще и вокальном его инвентаре в частности неуместен хотя бы потому, что звуки языка, будучи лишенными самодостаточного смыслового наполнения, традиционно признаются не более чем строительным материалом для создания более значимых языковых единиц. Однако при вдумчивом подходе можно констатировать две логичные характеристики звукового инвентаря любого языка. Во-первых, звуки языка всегда представляют собой систему со своими, безусловно, в той или иной мере логичными, парадигматическими и синтагматическими отношениями. Как справедливо замечает С.А. Бурлак, «не существует языка, в котором фонемный инвентарь был бы устроен совершенно хаотически» [4, с. 61] (очевидно, что и понятие, обозначаемое словом *устроен*, противоречит понятию хаоса). Во-вторых, от развитости такого системно организованного инвентаря звуков прямо зависит смысловоразличительная способность языка (условимся считать смысловоразличение общим понятием, включающим и семантические, и стилистические различия): чем больше звуков – тем качественнее такая способность.

Известно, что языки первобытных народов, равно как и «языки» произносящих первые звуки детей (изоморфизм филогенеза и онтогенеза, гипотетически отмеченный в свое время Л.С. Выготским, в настоящее время несомненен [5, с. 52]), имеют относительно мало звуков (и, как следствие, слов) по той причине, что в окружающей их и познанный ими действительности нет такого количества объектов, для обозначения которых понадобилась бы опирающаяся на развитый звуковой инвентарь смысловоразличительная способность (хорошо известно, что у произносящих первые звуки детей, как и у говорящих на своих «первоначальных» языках первобытных людей, в особенности древних, отсутствие такой потребности коррелирует с недостаточной развитостью артикуляционного аппарата). По мере расширения сферы познания увеличивается потребность в смысловоразличении. Когда носители языка подсознательно воспринимают эту потребность, они так же подсознательно, но, бесспорно, логично осуществляют деятельность, компенсирующую недостаточность звуков. Эта деятельность во всех языках разнится, что с точки зрения эволюционной эпистемологии неудивительно: присущая человеческой когниции и трудно преодолеваемая поверхностность восприятия обуславливает случайность выбора возможности компенсации. Еще И.С. Рижский писал: «Представим себе, что несколько человек смотрят в одно время на один огромный предмет. Поелику никто из них не в состоянии объять его всем своим взором, то один видит только одну, другой другую, и так далее, притом иной самую важную, иной, напротив, малозначущую его часть. Подобно сему пер-

воначально действует на умы разных народов всякий предмет» [6, с. 37]. Неудивительно, что «блуждание взора», неспособность зафиксировать существенные признаки психологи отмечают и у младших дошкольников [7, с. 205]. Конечно, фиксируемая спонтанность фонетических изменений может являться следствием их недоизученности (см. об этом фундаментальный историко-фонологический труд В.И. Постоваловой [8, с. 101–102]). Но такая недоизученность не всегда является свидетельством того, что логическая стройность и единообразие действительно имеют место. Как замечает Л.Б. Вишняцкий, «наша состоявшаяся эволюционная история – это только один из многих потенциально существовавших ее сценариев, который, в отличие от других, не остался запасным лишь в силу во многом случайного стечения мало связанных между собой обстоятельств» [9, с. 7]. То же можно сказать о звуковом (и прочем) развитии языков. Но, повторимся, любая стихийная компенсация звукового недостатка логична уже постольку, поскольку является естественной реакцией на восприятие потребности улучшить смысловозначение. Например, в финском языке наблюдается наиболее скудный среди всех финно-угорских языков состав согласных, поэтому в данном языке часто встречаются длинные слова с удвоенными согласными и гласными: финны стихийно восприняли именно такую, синтагматическую, возможность удовлетворить потребность в большем смысловозначении. Аналогичным путем спонтанно пошли гавайцы: в гавайском языке всего 12 фонем, 5 гласных и 7 согласных, поэтому в нем обычны такие длинные, но фонетически простые слова, как, например, *манаманалима* («палец»). В данном слове только 3 сонорных согласных [м], [н], [л] и два гласных [а] и [у], один из которых – [а] – повторяется пять раз (то есть наблюдается простейший слоговой сингармонизм), поэтому различительная способность обеспечивается повторением одинаковых звуко сочетаний и, соответственно, «удлинением» слова (ср. в малагасийском, включающем «океанический субстрат», название столицы Малагасийской республики: *Антананариву*). В кабардинских языках имеется только два гласных, но этот различительный недостаток компенсируется значительным количеством согласных (от 70 до 80): кабардинцы пошли по пути совершенствования системы консонантизма. В китайском языке сравнительно немного слогов (414), большинство китайских слов односложны, что само по себе не обеспечивает самодостаточность различительной способности языка. Однако китайский язык избавлен от этого логического затруднения совершенствованием системы музыкальных тонов (музыкального ударения), благодаря которой один слог получает до четырех (в некоторых диалектах больше) разных по высоте и интонированию звуковых форм (сейчас в китайском языке 1 324 слога) [10, с. 117–119].

Если говорить о фонетической системе древнерусского языка, то первые изменения в ней – закономерно для раннего периода эволюции языка (как и для «раннего периода» эволюции человека в онтогенезе или филогенезе) – выглядят хаотичными, то есть необусловленными. Исследователи не могут четко зафиксировать логику всех древнейших фонетических изменений [11, с. 38–90; 13, с. 76–94; 14, с. 45–98; 15, с. 75–169; 16, с. 43–65]. Так, не вполне ясны причины почти повсеместной трансформации праиндоевропейского музыкального ударения в индоевропейское динамическое (например, в сино-тибетских языках, как известно, этого не произошло). Трансформацию праславянского [q] в русское [y] (состоявшуюся не во всех славянских языках) можно объяснить логичным нежеланием произносить носовой

призвук при отсутствии обозначающей его отдельной буквы, а также артикуляционной близостью данных звуков. Но если параллельно происходящее изменение [e] в [’a] тоже можно объяснить указанным нежеланием, то формальную близость между ними зафиксировать сложнее. Изменение [e] в [o] в начале слова не объясняется полностью ни одним алгоритмом. Неизвестна причина развития в древнерусском полногласия (не поддержанного другими славянскими языками), и закон открытого слога – не более чем фиксация сложившегося положения дел, но никак не его объяснение. Возможно, гласные между согласными позволяют четче воспринимать эти согласные, но ведь полногласие охватило только некоторые сонорные, то есть самые вокальные согласные, так что логики в этом не наблюдается, однако можно констатировать свойственный первобытному сознанию повтор (в данном случае – звуковой характеристики): примитивное стремление усилить звучание и без того неплохо звучащего (такое явление логично называть фонетическим плеоназмом). Вторичное смягчение полумягких перед гласными переднего ряда можно объяснить продвижением согласного вперед под влиянием переднего гласного (по логическому закону тождества и языковому закону инерции), но такое влияние не обязательно: его нет во многих других языках. Не поддается логике и по-разному произошла древняя трансформация сочетаний с праславянским [jj] и других сочетаний в начале и середине слова. И, наконец, несмотря на многотрудные старания лингвистов, по-прежнему нераскрытыми остаются причины развития русской редуции.

Однако в целом логичными можно считать падение редуцированных и его последствия. По данным историков языка, в общеславянском, а затем в славянских языках ударение было музыкальным и политоническим [12, с. 67; 14, с. 80; 17, с. 268–269; 18, с. 132–138]. Именно в это время в славянских языках наряду с полными звуками свою различительную (логичную) функцию выполняли звуки редуцированные (и обеспечивали тем самым действие зафиксированного современными лингвистами закона открытого слога). После того как в большинстве славянских языков ударение стало монотонически-динамическим (это, как предполагается, но никак не объясняется, естественный путь акцентного развития индоевропейских языков [19, с. 531], который как обеспечивающий большую звуковую определенность и простоту слова можно считать логически прогрессивным), возникло противоречие в тех случаях, когда под такое сильное по звуковому проявлению ударение стали попадать слабые в звуковом отношении редуцированные (см. противоречивое сочетание «сильный редуцированный» у П.С. Кузнецова [14, с. 99]). Звуки [ъ] и [ь], а также менее частотные редуцированные [ы] и [у] под воздействием ударения переставали быть редуцированными, превращаясь, соответственно, в полные [o] и [e] или [ы] и [у], а в клитической позиции – в силу закона сохранения длительности (то есть сохранения тождества длины) фонетического слова после удлинения ударного звука [14, с. 99] – логично вытеснялись [12, с. 200–286; 13, с. 107–113; 14, с. 99–111; 15, с. 170–179; 16, с. 65–67; 17, с. 46–57; 18, с. 115–117; 20, с. 83–93]. (Только к этому вытеснению и было бы корректным применять термин «падение», который на самом деле нелогично распространяется и на превращение редуцированных в сильные звуки под ударением, при котором редуцированные вовсе не «падают»). Неудачность термина «падение» подтверждается и его синонимическим толкованием в указанной литературе с помощью семантически более подходящего слова *упамя*.) Это изменение фонетической системы, имевшее столько последствий не только для фонетики, но также для словообразования и морфо-

логики, особливо наглядно показує неосознанність логічної перемены в сложившихся умовах. Совершенно очевидно, що в цепі описаних подій привела логічна реакція використання редуцираних на логічне змінення якості ударення, але ця реакція привела до протиріччю: ослабленню смислоразличительной способности древнерусского языка, в котором «чередования гласных и согласных звуков» (закон открытого слога) являлись «важным морфологическим средством образования слов и их форм» [15, с. 246]. Компенсация данного ослабления смислоразличительной способности состоялась за счет обусловленного падением редуцированных расширения системы консонантизма, например за счет большего различия твердых и мягких, а также звонких и глухих фонем, а не позиционно обусловленных звуков, за счет получения нового для языка звука [ѣ] перед глухими и в конце слова. Итак, изменение качества русского ударения логично привело к исчезновению в слабой позиции и усилению в сильной позиции редуцированных, что, в свою очередь, логично привело к усовершенствованию русского консонантизма (хотя оно не коснулось нескольких русских согласных). Трудно с уверенностью говорить о логичности такого, приведшего к сокращению вокализма, явления, как индоевропейская акцентная динамизация (состоявшаяся не только не во всех языковых семьях, но и не до конца последовательно в индоевропейской семье), но последовавшие за ней явления по-своему логичны, поскольку вызваны именно ею. Носители древнерусского языка неосознанно компенсировали ухудшение смислоразличения развитием консонантизма. У них были альтернативные возможности осуществления такой компенсации, например, удвоением гласных, как в финском и эстонском, или создание новых гласных, к примеру, гласных крайне переднего ряда, обозначаемых буквами *e* и *i*, как во французском, но носители русского языка восприняли только возможность совершенствования согласных. Скорее всего, это было поверхностно-случайное, а не альтернативное – с осуществлением выбора – восприятие такой возможности.

Другим свидетельством стихийной, но не всегда абсолютной логичности в сфере русского вокализма является действие закона аналогии [12, с. 248–266]. Например, при склонении память о превратившемся в полный звук редуцированном проявлялась в выпадении данного звука в косвенных падежах: *сон* (из *сънь*) – *сна*, *день* (из *дьнь*) – *дня*. Однако по простой аналогии с этим явлением выпадение гласного стало происходить и в словах, где данный гласный изначально был полным: *ров* (из *ровь*) – *рва*, *лед* (из *ледь*) – *льда* [13, с. 112; 15, с. 182–183]. П.С. Кузнецов пишет: «Аналогия – один из основных факторов преобразования морфологического строя языка, в ней проявляется обобщающая работа человеческого мышления, результатом которой является усиливающая (-ся? – С. П.) тенденция выражать подобные значения одними и теми же средствами» [14, с. 179]. Однако такая «обобщающая работа человеческого мышления», в целом возможная при абстрактности мышления, обеспеченной альтернативностью восприятия конкретного и обобщенного, часто оказывается нивелирующей существенные различия и потому является лишь поверхностно коррелирующей с логическим законом тождества, когда, обобщая, носители языка поверхностно воспринимают только преимущества обобщения, но синкретично не воспринимают сопровождающий такое обобщение ущерб для смислоразличения. Однако в данном случае упрощающая произношения вокальная аналогия такого ущерба не наносит, поскольку, возможно, лишь на данном этапе развития языка, не приводит к омонимии.

При изменении [e] в [o] не в начале слова наблюдается два достаточно разных явления. С одной стороны, это относительно логичное фонетическое изменение [e] в [o] перед лабиализованными твердыми согласными под действием распространенной в русском языке регрессивной ассимиляции (*[нес]* – *[нос]*). Данное изменение можно считать относительно логичным потому, что регрессивная ассимиляция, обеспечивающая удобство произношения путем поверхностно воспринятой возможности адаптации характеристик предшествующего звука к характеристикам звука последующего, вряд ли может быть признана работающей на большее смислоразличение. Как известно, к XVI веку это регулярное изменение прекратилось, возможно, по причине обеспечивающей большее смислоразличение делябиализации к этому времени твердых согласных, об этом исследователи умалчивают. С другой стороны, наблюдается поверхностно воспринятая возможность аналогии изменения [e] в [o] не перед твердыми согласными, то есть на конце слова (*[мо]о*) под влиянием [*окно*], [*оно*], и непременно с ударением на -о при аканье) и перед мягкими (*ве[сол]енький* – под воздействием однокоренного *ве[сол]ый*) [13, с. 129–135; 14, с. 130–135; 15, с. 195–202; 16, с. 83–87; 17, с. 59–67]. Однако такие очередные, стихийно предпринятые носителями русского языка типичные для флективных языков упрощающие и обобщающие действия, которые создали трудности при изучении русского языка как иностранного, но в ходе познания и номинации познанного не привели к омонимии, тоже не обусловили ослабления смислоразличительной способности русского вокализма.

Несмотря на смислоразличительную полезность большого количества звуков, одним из требований смислоразличительной ясности языков является нежелательность сосуществования похожих звуков, так как при восприятии на слух их трудно дифференцировать [4, с. 340]. Зафиксировать указанную нежелательность можно лишь при восприятии похожих звуков как проблемной альтернативы. В результате такого альтернативного восприятия логически естественными представляются слияние звука [e] = [ue] с похожим частотным [e] или (реже) с похожим [u], а дифтонга [yo] с формально близким частотным [o] [13, с. 126–129; 14, с. 137–143; 15, с. 199, 202–209; 16, с. 87–97; 17, с. 69–75; 20, с. 93–97]. Такой уход из вокального инвентаря дифтонгов, состоявшийся по причине их замены очень похожими и, что немаловажно, более частотными одиночными звуками, то есть по тоже своего рода аналогии, квазианалогии, к ослаблению смислоразличения не привел.

Развитие редукции гласных в безударных слогах – явление, причина которого пока не имеет удовлетворительного научного объяснения [13, с. 135–142; 14, с. 146–157; 15, с. 214–230; 16, с. 97–111; 17, с. 75–85], как падение редуцированных и замену дифтонгов квазианалогичными одиночными звуками, звукодифференцирующим назвать трудно. В то же время невозможно не заметить, что такая редукция, как и в описанной выше истории с дифтонгами, выглядит по-своему логичной квазианалогией. Создается впечатление, что носители языка подсознательно конвенциализировали правило: ударные и клитические [o] и [a], [e] и [u] должны быть если не одинаковыми (как более полувека упрощенно учат изучающих русский язык иностранцев на подготовительных факультетах), то очень похожими – для удобства произношения. В защиту такой разновидности редукции, как аканье, свидетельствует тот факт, что нелегко найти исконно русские примеры, в которых аканье приводит к омонимичному смешению слов, можно привести лишь примеры заимствований:

компания – кампания. Из этого следует, что при появлении и закреплении аканья, то есть в период отсутствия в русском языке большого количества заимствованных слов, вызванных аканьем, недостатков смысловоразличения не было, а смешиваемых из-за аканья заимствований в современном русском языке не так много, чтобы возникла потребность в стихийном отказе от аканья. В отношении неразличения клитических [e] и [u] в устной речи исконно русские примеры имеются: *преумножить – приумножить*, но всё же не в таком количестве, чтобы возникла потребность в отказе и от этого вида редукции.

В XX веке особенно распространенным и в то же время необратимым стало восприятие такой возможности оптимизации звукового строя языка, как «отказ от переноса ударения на предлог», когда предлог – односложный (типа *выйти из леса, поднять на смех*) [21, с. 376–379], что, безусловно, логично по неущербной для смысловоразличения аналогии, ведь, как правило, выполняющее смысловоразличительную функцию ударение свойственно словам, относящимся к знаменательным частям речи. Обеспечивает такую логичность альтернативное восприятие, поскольку именно оно позволяет сопоставить частное и общее явления как противоречащие друг другу и разрешить это противоречие.

Постепенно – по аналогии с большинством – происходит смещение ударения у бесприставочных возвратных глаголов с подвижным ударением с постфикса на основу: не *дался*, а *далься*, не *родился*, а *родился* [21, с. 381–383], что тоже, будучи обусловленным показанным выше механизмом альтернативности восприятия, логично по шадящей для смысловоразличения аналогии, так как постфиксальное ударение выглядит исключением из общей тенденции.

Выводы. Таким образом, рассмотрение исторических преобразований русского вокализма с точки зрения перцептивно-логической эволюции позволяет говорить о том, что обладающие в целом альтернативным восприятием носители русского языка, подсознательно стремясь обеспечить возможности смысловоразличения, оптимизируют систему русских гласных, компенсируя ее потери развитием консонантизма и совершенствуя удобство произношения гласных по обусловленной альтернативностью восприятия аналогии не в ущерб смысловоразличению. Однако с точки зрения большей абстрактности восприятие только этих двух возможностей указанной оптимизации является свидетельством достаточно поверхностного, свойственного носителям всех языков, восприятия возможности обеспечить большую степень смысловоразличения.

Представляется симметрично целесообразным изучение перцептивно-логической эволюции русского консонантизма.

Литература:

1. Серебренников Б.А. Язык как исторически развивающееся явление. Проблема прогресса в развитии языков / Б.А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – С. 302–307.
2. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.
3. Попов С.Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: дисс. ... докт. филол. наук / С.Л. Попов. – Харьков, 2015. – 453 с.
4. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. – М.: Астрель CORPUS, 2011. – 464 с.
5. Барулин А.Н. К аргументации полигенеза / А.Н. Барулин // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская]. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 41–58.
6. Рижский И.С. Введение в круг словесности / И.С. Рижский // Хрестоматия по истории русского языкознания: [учеб. пособ. для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов] / под ред. Ф.П. Филина. – М.: Высш. школа, 1973. – С. 37–39.
7. Эльконин Д.Б. Детская психология: [учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед.] / Д.Б. Эльконин; ред.-сост. Б.Д. Эльконин. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 384 с.
8. Постовалова В.И. Историческая фонология и ее основания. Опыт логико-методологического анализа / В.И. Постовалова / отв. ред. Б.А. Серебренников. – 2-е изд., доп. – М.: КомКнига, 2006. – 232 с.
9. Вишняцкий Л.Б. Человек в лабиринте эволюции / Л.Б. Вишняцкий. – М.: Весь Мир, 2004. – 156 с.
10. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
11. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
12. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А. Шахматов. – М.: Индрик, 2002. – 424 с.
13. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка / П.Я. Черных. – 3-е изд. – М.: Учпедгиз, 1962. – 376 с.
14. Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1965. – 554 с.
15. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка: [учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов] / В.В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с.: ил.
16. Горшкова К.В. Историческая грамматика русского языка: [учеб. пособ. для ун-тов] / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – М.: Высш. школа, 1981. – 359 с.
17. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка / А.И. Соболевский; предисл. В.К. Журавлева и И.В. Журавлева. – 5-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 328 с.
18. Дурново Н. Очерк истории русского языка / Н. Дурново. – М.-Л.: Госиздат, 1924. – 376 с.
19. Виноградов В.А. Ударение / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 530–531.
20. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л.А. Булаховский. – 5-е изд., доп. и перераб. – К.: Учпедгиз, 1958. – 488 с.
21. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.

Попов С. Л. Щодо перцептивно-логічної еволюції фонетичного ладу російської мови: голосні

Анотація. У статті подається когнітивно-історичне дослідження перцептивно-логічної еволюції фонетичного ладу російської мови, здійснене на прикладі голосних. Такий підхід передбачає підвищену увагу до сприйняття й логіки в їх еволюції.

Ключові слова: сприйняття, логіка, еволюція, фонетика, голосні.

Popov S. Revisiting the perceptually-logical evolution of the phonetic system in Russian language: vowels

Summary. The article presents the cognitive and historical research of perceptually-logical evolution of the phonetic system in Russian language carried out as exemplified in the vowel sounds. This approach implies increased attention to perception and logic in their evolution.

Key words: perception, logics, evolution, phonetics, vowels.